

Трансформация индивидуальных крестьянских хозяйств Уральского региона накануне и в начальный период коллективизации

©Владимир Викторович Филатов

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова»,
г. Магнитогорск, Российская Федерация
e-mail: v.philatov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена важной для исторической науки проблеме положению индивидуальных крестьянских хозяйств в доколхозной деревне и в начале массовой коллективизации. Анализ российской и зарубежной историографии показывает, что в основном ученые изучают вопросы коллективизации и раскулачивания. Меньше внимания обращается на состояние индивидуальных хозяйств во время социалистического переустройства села. На основе материалов одного из крупнейших регионов СССР предпринята попытка восполнить данный пробел в исторической науке. Цель статьи — раскрыть результаты государственной политики по ликвидации частного сектора сельской экономики, прежде всего, зажиточного крестьянства, вынужденного превращения этих сельских жителей в особую категорию лишних людей в строительстве социализма. Объектом исследования стали индивидуальные крестьянские хозяйства, а предметом их изучения раскрестьянивание: лишение политических прав, внеэкономическое воздействие, раскулачивание, репрессии к селянам. В статье использованы как общенаучные методы, так и историко-генетический, компаративный, статистический и другие методы исторического исследования. Анализ источников выявил сокращение индивидуальных крестьянских хозяйств в Уральском регионе, резкое падение их роли в производстве сельскохозяйственной продукции, добровольно-принудительное вхождение крестьян в колхозы, раскулачивание, вынужденный переход селян в другие социальные группы.

Ключевые слова: индивидуальные хозяйства, крестьяне, Уральский регион, кулаки, раскрестьянивание, лишенцы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Филатов В. В. Трансформация индивидуальных крестьянских хозяйств Уральского региона накануне и в начальный период коллективизации // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №2. С. 20-31.

Transformation of Individual Peasant Farms in the Ural Region on the Eve and in the Initial Period of Collectivization

©Vladimir V. Filatov

Nosov Magnitogorsk state technical University, Magnitogorsk, Russian Federation
e-mail: v.philatov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to an important problem for historical science, the situation of individual peasant farms in the pre-kolkhoz village and at the beginning of mass collectivization. The analysis of Russian and foreign historiography shows that scientists mainly study the issues of collectivization and dispossession. Less attention is paid to the state of individual farms during the socialist reconstruction of the village. Based on the materials of one of the largest regions of the USSR, an attempt has been made to fill this gap in historical science. The purpose of the article is to reveal the results of the state policy on the elimination of the private sector of the rural economy, first of all, the prosperous peasantry, the forced transformation of these rural residents into a special category of superfluous people in the construction of socialism. The object of the study was individual peasant farms, and the subject of their study was the dispossession: deprivation of political rights, non-economic impact, dispossession, repression of villagers. The article uses both general scientific methods and historical-genetic, comparative, statistical and other methods of historical research. Analysis of sources revealed a reduction in individual peasant farms in the Ural region, a sharp drop in their role in agricultural production, voluntary and forced entry of peasants into collective farms, dispossession, forced transfer of villagers to other social groups.

Key words: individual farms, peasants, Ural region, kulaks, raskrestyanivanie, lishentsy.

FOR CITATION: Filatov V. V. Transformation of Individual Peasant Farms in the Ural Region on the Eve and in the Initial Period of Collectivization // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №2. P. 20-31. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В связи с тем, что до настоящего времени явно недостаточно исследований по состоянию индивидуальных крестьянских хозяйств в переломный момент перехода от традиционных устоев сельской жизни к условиям переустройства деревни на социалистических началах, весьма актуально восполнить этот пробел в российской исторической науке. Региональный аспект данной проблемы позволит на примере Уральского региона комплексно раскрыть положение значительной части крестьянства в непростой период российской истории.

На смену старшему поколению, пережившему все тяготы строительства социалистического государства, приходит новое поколение, далекое от проблем советского прошлого. В воспоминаниях о советском периоде порой на первый план выносятся достижения 1930-х гг. в подъеме экономики, но замалчивается цена великих побед. Научная новизна данного исследования состоит в том, что на основе разнообразных архивных документов и других источников, как правило, впервые вводимых в научный оборот, анализируются особенности жизнедеятельности индивидуальных крестьянских хозяйств в одном из крупнейших регионов страны.

Хронологические рамки исследования 1927–1933 гг. позволяют всесторонне проследить основные этапы раскрестьянивания от завершения нэповского периода и до первых лет коллективизации. Репрезентативность исследования обеспечивается значительными территориальными рамками, включавшими территорию будущего Уральского экономического района. В 1927–1933 гг. он состоял из Уральской области, Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики, Вотской автономной области (с января 1932 г. — Удмуртской автономной области). В Уральский регион входила Оренбургская губерния. С 1928 г. она ее вошла в Средневожскую область, включавшую Оренбургский округ (16 районов), Бугурус-ланский округ (12 районов), а с 1930 по 1934 гг. после ликвидации округов — в Средневожский край.

При всем многообразии исследований по истории сельского хозяйства нельзя сказать, что данная тема раскрыта всесторонне. Она требует дополнительного изучения, критической оценки новых источников, систематизации материала, и исследования индивидуальных хозяйств на основе классовых предпочтений советской власти.

По вполне понятным причинам историческая литература 1930-х – 1980-х гг. как по своей концептуальной основе,

так и по содержанию не раскрывала положение единоличных крестьянских хозяйств. Причем акцент в публикациях в основном был сделан на процессе раскулачивания. Ликвидация кулачества преподносилась в едином ключе: для социалистических преобразований в деревне просто необходимой и закономерной являлась борьба с кулаками и частнособственнической психологией остального сельского населения, необходимости перехода к коллективным формам хозяйствования.

Наибольший вклад в разработку проблемы развития земледелия в доколхозной деревне внес В.П. Данилов. Среди его многочисленных трудов большого внимания заслуживает две монографии: «Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство» и «Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения» [12; 13], в которых на большом фактическом материале раскрыто состояние крестьянских хозяйств накануне массовой коллективизации. Среди уральских ученых лучше других социально-экономические отношения в уральском селе раскрыл Н.В. Ефременков. Опираясь на материалы статистических сборников и архивные источники, он проанализировал состояние крестьянских хозяйств по многим позициям, позволяющим определить материальное положение каждой социальной группы в зависимости от посева, наличия рабочего скота, инвентаря и применения найма-сдачи [6; 18].

Советские историки преимущественно придерживались схемы, изложенной в Кратком курсе ВКП(б), а затем — в истории КПСС. Документальный материал, доступный только из открытых фондов архивов, иллюстрировал достижения партии и советского народа по строительству социализма в деревне. Отечественная историография доперестроечного периода положительно оценивала борьбу с кулачеством, считая ее основным элементом социалистического строительства.

В годы перестройки резко изменился вектор исследований. Многие ученые, занимавшиеся проблемами коллективизации и раскулачивания, стали выносить иные суждения об этом явлении советской действительности. Они получили доступ к ранее закрытым фондам архивов и возможность свободно излагать свои мысли. Первые научные изыскания о коллективизации и раскулачивании второй половины 1980-х гг. чаще носили публицистический характер. Лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг. появились серьезные научные публикации видных российских ученых [11; 20]. Особую значимость в изучении аграрных проблем имели теоретические семинары журнала «Отечественная история»,

проводившиеся под руководством В.П. Данилова в 1990-е гг. Дискуссии по поводу исследований зарубежных историков-аграрников способствовали знакомству с зарубежной историографией истории советского сельского хозяйства¹.

Исследовательская работа уральских ученых 1990-х гг. насыщена интересными публикациями. К таковым относится монография М.Н. Денисевича [14]. Сосредоточив внимание на изучении индивидуальных хозяйств на протяжении длительного периода, автор раскрывает их состояние в конце 1920-х – 1930-е гг. Он показывает, как эволюционировало личное подворье единоличников, какие решения принимались и реализовывались по его ограничению. М.Н. Денисевич исследовал налоговую политику, эффективность индивидуальных хозяйств. Изучение этих хозяйств позволило получить богатый материал по истории сельского хозяйства Урала. Особенности развития индивидуальных хозяйств в национальных республиках Уральского региона раскрыты в монографиях Г.А. Никитиной и Р.А. Давлетшина [10; 29].

Диссертация Л.В. Алексеевой, посвященная сельскохозяйственному производству в годы первой пятилетки в Уральской области, определила основные тенденции расширения посевных площадей, развития скотоводства в период массовой коллективизации. Как отмечает автор, стремясь облегчить тяжесть налогообложения, крестьяне в конце 1920-х гг. шли на сокращение поголовья, а катастрофичное уменьшение стада произошло в начале коллективизации и раскулачивания [1].

В 2000-е годы появились диссертации и публикации, поднявшие на более высокий научно-теоретический уровень исследования по истории сельского хозяйства. Уральский ученый Г.Е. Корнилов трансформацию в аграрной сфере и сельском социуме в рамках модернизации обозначил термином «агропереход». По его мнению, агропереход имеет три фазы:

первая фаза включает период с начала до середины XX в.,
вторая — с 1950-х до 1990-х гг.,
третья — с начала 1990-х гг.

Он выделяет в первой фазе два этапа: до 1930-х гг. и 1930–1950-е гг. Как считает Г.Е. Корнилов, на Урале на первом этапе преобладало экстенсивное развитие сельского хозяйства. По его мнению, результатом трансформации аграрной сферы в первой фазе агроперехода было раскрестьянивание, которое имело две стороны — внутреннюю и внешнюю. Внешнее раскрестьянивание проявилось в физическом сокращении численности крестьянства. Внутреннее раскрестьянивание охватило быт, культурные традиции, мировоззрение селян [22].

В докторской диссертации В.А. Лабузова, посвященной деревне Южного Урала в 1917–1930-х гг., удалось проанализировать изменения системы крестьянского землепользования и землеустройства в доколхозный период и в начале массовой коллективизации. Взяв за основу исследования концепцию модернизации, автор сумел показать этапы трансформации крестьянского землевладения от общинного и частного к государственному; кардинальное изменение видов землепользования — от общинного и участкового к коллективному [27].

Для компаративного анализа большой интерес представляет статья сибирского ученого В.А. Ильиных. Он исследовал единоличные хозяйства Западной Сибири в 1930-е гг. Автор отмечает роль коллективизации в сокращении индивидуальных хозяйств, снижении денежных доходов единоличников. Впервые в российской историографии он попытался провести стратификацию единоличных хозяйств, разделив их на пауперов, по источнику существования за счет сельскохозяйственного производства, и бывших крестьян [21].

Неоднозначные оценки историков получили работы М.А. Безнина и Т.М. Димони [3; 4]. Авторы пытаются по-новому осмыслить аграрные преобразования 1930–1980-х гг. в нашей стране. Переход аграрного общества в индустриальное, по их мнению, сопряжен с изменениями в социальной структуре — процессом раскрестьянивания, пролетаризации и формирования протобуржуазии. По их мнению, базу российской модернизации составляет «капитализация». До конца 1920-х гг. в советском государстве был «кулацко-кооперативный» путь развития села. С началом коллективизации началось «колхозно-совхозное развитие» [24]. Определенный научный интерес вызывают статьи из сборника «Сталинизм и крестьянство», в котором рассматриваются взаимоотношения власти и крестьянства в 1920-е гг. и в начале коллективизации [31].

В последнее время заметно уменьшение диссертационных исследований, публикаций по проблемам сельскохозяйственного развития страны накануне и в годы массовой коллективизации, особенно единоличных хозяйств. Одна из последних диссертаций И.В. Гончаровой, посвящена коллективизации Центрально-Черноземной области. На большом региональном материале она исследует положение крестьян в 1920-е гг., но уделяет больше внимания изучению колхозов и жизни колхозников, чем единоличных хозяйств. В ее диссертации можно найти интересный материал об использовании колхозами найма единоличников для осуществления сельскохозяйственных работ [8, с. 72-88, 449-451].

Изучением истории сельского хозяйства СССР занимаются и зарубежные историки [9; 30; 35]. Широкую картину сельской жизни обрисовала в своей монографии Ш. Фицпатрик. В ее исследовании показаны особенности адаптации крестьян к колхозной жизни, притеснение единоличников, кустарей, отходников. Она проанализировала причины голода, организацию землеустройства единоличников.

При изучении индивидуальных крестьянских хозяйств того периода ученые чаще обращаются к исследованию деятельности относительно состоятельных крестьян, так называемых кулаков и процессу раскрестьянивания. Так, по В.И. Далю, «кулак» — это перекупщик, переторговец. Он живет обманно, обчетом, обмером². По мнению А.Н. Энгельгардта, «каждый мужик при случае кулак, эксплуататор, но пока он земельный мужик, пока он трудится, работает, занимается сам землей, это еще не настоящий кулак, он не думает все захватить себе, не думает, как бы хорошо было, чтобы все были бедны, нуждались, не действует в этом направлении. Конечно, он воспользуется нуждой другого, заставит его поработать на себя, но не жиждет свое благосостояние на нужде других, а жиждет его на своем труде... Он расширяет свое хозяйство не с целью наживы только, работает до усталости, недосыпает, недоедает». В то же время А.Н. Энгельгардт приводит пример кулака, деятельность которого основывается «не на земле, не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, на который он торгует, который раздает в долг под проценты» [36, с. 387]. Такой дифференциации не обнаружишь в доктрине советского раскулачивания при делении кулаков на три группы. Здесь нет места «не настоящему» кулаку. Достаточно было крестьянину иметь больше имущества, чем у других, использовать труд наемных работников, и он записывался в разряд кулаков.

Как полагал Н.Д. Кондратьев, «понятие "кулак" и "средний хозяин" в высшей степени относительно ... Наше сельское хо-

¹ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1992–1998.

² Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / Даль В.И. — М.: РИПОЛ классик, 2006. / Том 2. И-О. С. 194 с.

зяйство ... еще настолько примитивно и бедно, настолько исчерпывается сплошной однородной ... массой распыленных и малосильных хозяйств, что на основе этой ошибки легко находить кулаков там, где имеет место здоровый энергичный слой крестьянского хозяйства с наиболее высокой производительностью труда и наиболее быстрым накоплением» [7, с. 95].

Современные подходы расширяют понятие «кулак». С точки зрения А.С. Ахизера, в годы сталинизма велась борьба с мировым злом, с богачами, с кулаками, «со всеми, чье благосостояние, уровень творчества были выше некоторого уровня, принятого за норму. Причем превышение этой нормы рассматривалось как результат эксплуатации нетрудовых доходов и т.д.» [2, с. 500]. В.Н. Земсков считает, что «в смысловом аспекте термин "кулаки" — синоним термина "сельская буржуазия", что предполагает ведение хозяйства за счет эксплуатации какого-то постоянного контингента наемных рабочих (батраков). В действительности же таковых среди раскулаченных крестьян было немного, и именно они употребляли в самоназвании термин "кулак". Основная же масса, называемая кулаками, вела хозяйство своими руками, не используя или почти не используя наемной рабочей силы». Они считали себя трудовыми крестьянами» [19, с. 201].

Г.Ф. Доброноженко проанализировала понятие «кулак» в советской историографии и в исследованиях современных историков. Она выявила различные подходы в определении этого понятия и указала на путаницу при замене термина «кулак» на зажиточное хозяйство, поскольку кулацкие хозяйства облагались сельхозналогом в индивидуальном порядке, а зажиточные хозяйства — сельхозналогом с процентной надбавкой. По ее мнению, «кулак» в большевистской теории — это идеология, внедряемая в общественное сознание для обозначения классового врага в крестьянской среде. Она приходит к выводу, что «"кулаки" в послереволюционный период — это не только социально-экономическая группа сельской буржуазии, а социальная группа крестьян, подвергшаяся дискриминации и репрессиям по политическим мотивам» [15].

Действительно, после заготовительной кампании 1927/28 г. и репрессий в отношении крестьянства понятие «кулак» осталось чисто символически для пропагандистских целей. Перед массовой коллективизацией сельская буржуазия, возникшая еще в лексиконе Гражданской войны, фактически прекратила свое существование. Оставались лишь относительно состоятельные хозяйства, попавшие в разряд кулаков, не имея на то никаких оснований как по мощности своего хозяйства, так и по влиянию на сельский социум.

По-новому тема кулака зазвучала с выходом монографии С.А. Красильникова. Автор решил заменить понятие «раскулачивание» на «раскрестьянивание», поскольку в числе репрессированных оказались и не зажиточные крестьяне. По Красильникову, в ходе «великого перелома» крестьянство в целом утратило экономическую самостоятельность и независимость от государства, а подвергшиеся депортации — личные права и свободы. С.А. Красильников ссылается на слова В.А. Ильных, полагающего, что основное содержание радикальных изменений в деревне с конца 1920-х гг. «сводится к относительно скоротечному и имеющему характер общественного катаклизма превращению крестьянства в принципиально новую социальную общность, которое можно определить термином "социалистическое раскрестьянивание"». По Ильину, «раскрестьянивание — длительный и многомерный процесс, включающий в себя кардинальную трансформацию различных экономических, социальных, демографических и психологических характеристик крестьянства, определяющих его как класс. В основе превращения крестьянства в новую страту

общества лежит ликвидация единоличного (семейного) хозяйства, представляющего базовую единицу его социальной самоорганизации» [23, с. 9, 17].

На наш взгляд, понятие «раскрестьянивание» шире понятия «раскулачивание». Раскулачивание коснулось лишь небольшой части преимущественно состоятельных крестьян. В советское время сельские жители потеряли исконно крестьянские характеристики, вошли в другие страты общества и получили новый статус колхозника, рабочих и служащих совхозов, МТС. Особняком выглядело положение единоличников, сохранявших в некоторой степени черты прежнего крестьянина, но исчезавшего как социальная группа при значительных ограничениях со стороны властей. Индивидуальные (личные) участки колхозников, рабочих и служащих вряд ли можно назвать индивидуальными крестьянскими хозяйствами в прежнем смысле слова.

С одной стороны, хорошо, что в последнее время появились более взвешенные оценки дефиниции «кулачества», анализируется феномен раскрестьянивания но, с другой стороны, за пределами современных историко-экономических исследований остаются иные единоличные подворья. Положение этих хозяйств представляет также большой научный интерес.

За 1990-е – 2000-е гг. значительно расширилась источниковая основа исследований. В эти годы выходят многочисленные сборники документов, в том числе и на региональном уровне³. Новые источники раскрывают во всей полноте жизнь селян, формы и методы воздействия властных структур на единоличное крестьянство. В статье наряду с опубликованными документами впервые представлены источники из федеральных и региональных архивов, еще не включенные в научный оборот.

При анализе экономической деятельности индивидуальных хозяйств применялись авторские многосоставные таблицы с использованием временных и динамических рядов. При составлении таблиц пришлось столкнуться различными методиками подсчета, а порой и с искажениями данных. Сопоставление разнобразных источников помогло в определенной степени отразить реальные результаты деятельности этих хозяйств.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ХОЗЯЙСТВА ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ

Статистические показатели 1920-х гг. свидетельствовали, что в 1927 г. большую часть населения Уральской области, занимавшегося земледельческими занятиями, составляли середняки — 39,8%, Башкирии — 50,9%, СССР — 48%. Эти данные показывают, что на Урале доля середняцких хозяйств было меньше, чем в соседней Башкирии и в стране. На второй позиции находились бедняки Уральской области (13,4%), Башкирии (14,6%), страны (14,6%). Здесь доля уральских бедняков уступала башкирским и союзным сведениям. На третьем месте были уральские сельские рабочие (6,2%), башкирские (6,6%), СССР (4,6%). В этом случае башкирские и уральские данные были близки, нежели в среднем по Советскому Союзу. На четвертом месте находились мифические враги советской

³ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929 гг. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.; Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. М.: РОССПЭН, 2003. 864 с.; Т. 3. Кн. 2. 1932–1934 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 840 с.; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Док. и материалы: в 5 т. Т. 1: Май 1927 — ноябрь 1929. М.: РОССПЭН, 1999. 877 с.; Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. 925 с.; Т. 3: Конец 1930–1933. М.: РОССПЭН, 2001. 1006 с.; Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: Сб. документов и материалов. Оренбург: Оренбургское литературное агентство «ОРЛИТ-А», 2005. Т. 1. 285 с.; Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье. (Материалы по истории Курганской области). Курган: Изд-во. «Реформа», 1995. 135 с. и др.

власти, так называемые кулаки — на Урале (3,2%), Башкирии (2,1%), в стране (2,7%). Статистика показывала превышение удельного веса зажиточных крестьян на Урале. В общей сложности социальный состав сельского населения, занимавшегося земледельческим трудом, в Уральской области составлял 62,6%, Башкирии — 74,2%, а в стране — 69,9%.

Удельный вес селян, занимавшихся неземледельческими занятиями, был ниже — 30,5%, 16,8%, и 22% соответственно. Причем не земледельцев в деревнях Уральской области имелось существенно больше. Доля уральских середняков преобладала среди тех крестьян, которые занимались неземледельческими занятиями (16,3%), затем шли бедняки (9,2%), рабочие (3,9%) и кулаки (1,1%), в Башкирии — 9,2%, 5%, 2,2%, а в СССР — 12,8%, 5,7% и 2,6% соответственно. Остальная часть сельского населения не занималась сельскохозяйственными занятиями.

Таким образом, в 1927 г. в Уральской области более половины селян относились к середнякам — 57%, в Башкирии — 62,8%, в среднем по Советскому Союзу и того больше — 63,4%. На втором месте были бедняки: в Уральской области — 25,7%, Башкирии — 23,7%, и в СССР — 22,9%. На третьей позиции по численности находились сельские рабочие: в Уральской области — 12,9%, Башкирии — 10,9%, СССР — 9,8%. Удельный вес кулаков среди селян в Уралобласти определялся 4,4%, Башкирии — 2,6%, а по стране — 3,9%⁴. Эти данные свидетельствуют, что на Урале удельный вес крестьянских дворов среднего достатка отставал от союзных сведений, тогда как по остальным категориям был выше. Обращает на себя внимание доля кулаков в составе селян в Уральской области. Не потому ли борьба с кулачеством на Урале носила самые жестокие формы.

После принятия политическим руководством страны решения о социалистическом переустройстве сельского хозяйства началось реформирование деревни по всем направлениям. В течение 1928–1929 гг., а особенно с началом массовой коллективизации, принимались меры по сокращению индивидуальных крестьянских хозяйств. Вместо прежних сформированных на добровольной основе коллективных хозяйств (ТОЗов, коммун, старых колхозов и др.), а также кооперативных структур повсеместно добровольно-принудительным способом стали создаваться контролируемые государственными органами уставные сельскохозяйственные артели.

Вытеснение единоличников из жизни села шло по главным направлениям: политическим, идеологическим, экономическим, правовым. Крестьяне, несогласные с вступлением в новые колхозы, особенно зажиточные, лишались гражданских прав, прежде всего, избирательных. Вся пропагандистская машина направлялась не только на агитацию за социалистические преобразования в деревне, но и на создание образа потенциального врага советской власти из числа тех селян, которые воздерживались от вступления в колхозы. В экономической сфере использовался большой арсенал средств по лишению индивидуальных хозяйств возможности заниматься производительным трудом и получать государственную финансовую поддержку. Деятельность правоохранительных органов направлялась на активное применение уголовного законодательства в отношении единоличников в случае невыполнения ими нерезальных планов заготовок, налогов и др. Трагической страницей того времени стало широкомасштабное раскулачивание с применением неправовых методов ликвидации кулацких хозяйств.

Еще накануне масштабных социалистических преобразований деревни при завершении новой экономической по-

литики началось сокращение индивидуальных крестьянских хозяйств, и особенно после хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. Наивысшие темпы ликвидации индивидуальных дворов в регионе отмечены в Уральской области. Здесь их количество уменьшилось с 1240,9 тыс. в 1927 г. до 891 тыс. в 1930 г. (в 1,4 раза). В 1933 г. осталось всего 331,5 тыс., и сокращение продолжалось до конца 1930-х гг. Подобные процессы наблюдались и в других территориях Уральского региона. В Башкирии в 1927 г. насчитывалось 507,4 тыс. индивидуальных дворов, с началом массовой коллективизации их осталось 452 тыс., а в 1933 г. — 204,9 тыс. В Удмуртии было 120,7 тыс., а стало 110,4 тыс. и 44,2 тыс. соответственно⁵.

ЛИШЕНЦЫ

Значимое влияние на процесс раскрестьянивания оказала политико-экономическая акция по лишению значительного количества крестьян избирательных прав. Хотя это явление касалось не только сельских жителей и появилось еще в 1918 г., но накануне коллективизации приняло большие масштабы. Так называемый лишенец не имел права избирать и быть избранным в руководящие партийные и государственные структуры, общественные организации. Он не мог учиться в вузах и средних специальных учебных заведениях. У него заработная плата была ниже, чем у других работников.

Лишение зажиточных крестьян принимать участие в органах управления и самоуправления, в выборах в советы ограничивало возможности таких селян оказывать влияние на принятие важных для деревни решений. Подобное нововведение подготовило почву для массового раскулачивания. Такие действия властей привели к расколу, противопоставлению одних групп сельского социума другим. Хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. положил начало массовой кампании по лишению гражданских прав наряду с уголовным преследованием.

В соответствии с избирательной инструкцией (1926 г.) лишенцами становились люди, применявшие или применяющие наемный труд с целью извлечения прибыли, жившие или живущие на нетрудовые доходы, а также занимающиеся торговлей. Избирательные права не получали земледельцы, применявшие наемный труд в таком объеме, который расширял их хозяйство за пределы трудового. Наемный труд в трудовом хозяйстве должен был носить подсобный характер, и все трудоспособные члены семьи обязывались принимать участие в работе.

Лишенцем становился земледелец, обладавший не только земельным хозяйством, но имевший собственные или арендованные промысловые и промышленные заведения или предприятия, где использовался наемный труд. Избирательных прав лишались земледельцы, занимавшиеся дополнительно с земледельческим хозяйством закупкой и перепродажей скота, сельскохозяйственных и иных продуктов в виде промысла. Крестьяне, предоставлявшие в пользование имевшиеся у них сельскохозяйственные машины, рабочий скот, а также постоянно дающие кредит другим селянам на неприемлемых условиях, также лишались прав⁶.

Постановлением ЦИК и Совнаркома СССР (октябрь 1929 г.) были изменены и дополнены Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик. По ст. 20 «поражение прав заключается в лишении:

а) активного и пассивного избирательного права;

⁴ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 73. Д. 113. Л. 1.

⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 73. Д. 102. Л. 41, 55, 55 об.; Оп. 82. Д. 272. Л. 61; Центральный государственный архив Удмуртской республики (далее — ЦГА УР). Ф. 234. Оп. 1. Д. 1605. Л. 2 об.

⁶ Собрание законов и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее — СУ РСФСР). 1926. №75. Ст. 577.

б) права занимать выборные должности в общественных организациях;

в) права занимать те или иные государственные должности;

г) права носить почетные звания;

д) родительских прав».

Срок лишения прав определялся не более пяти лет, а для заключенных — после указанного судом⁷. Постановление ЦИК и СНК СССР (ноябрь 1930 г.) еще более ограничило крестьян, лишенных прав. Их запрещалось принимать в колхозы и другие сельскохозяйственные кооперативы. Им выдавались твердые задания по сдаче зерна, покупке облигаций займов на определенную сумму⁸.

По мнению С.А. Красильникова, лишение избирательных прав выполняло следующие функции:

- превентивную (предотвратить возможное усиление позиций и влияния в обществе тех или иных групп, потенциальных или реальных противников большевизма);
- проведение искусственного структурирования общества (как часть политики деления общества на своих сторонников и противников);
- установление поэтапного тотального контроля над основной частью общества;
- привлечения к проведению мер ограничительно-дискриминационного характера (соучастие) социальных низов;
- поддержания в обществе атмосферы раскола и конфронтации — поддержания психологии агрессии в отношении бывших привилегированных сословий и корпораций⁹.

В Уральском регионе, как и по всей стране, проводились гонения на зажиточных крестьян в период выборов в местные советы. Накануне коллективизации, по материалам личных дел, 36% крестьян-лишенцев имели 8-16 десятин земли, 24% — 4-6 дес., 20% — 2-4 дес., 40% — одну корову, 36% — до трех коров, 32% — одну лошадь и столько же — 2 лошади [28, с. 112].

По подсчетам С.А. Красильникова, за 1926-1929 гг. численность лишенцев в СССР существенно возросла. Если в 1926 г. их насчитывалось 1,04 млн (1,6% от всех избирателей), то в следующем году в 2,9 раза больше — 3,04 млн (4,3%), а в 1929 г. уже возросло до 3,72 млн человек (4,9% от всех избирателей). При этом происходили трансформации в структуре лишенцев: доля торговцев и посредников сократилась за это время с 43,3% до 21,7%; лиц, живших на нетрудовые доходы — с 13,8% (1926 г.) до 6,9% (1929 г.). С 1927 г. увеличился удельный вес членов семей лишенцев, лишенных прав. Если в 1926 г. они составляли 6,5%, в 1927 г. 38,5%, то в 1929 г. достигли 43,9%. Среди лишенцев возросла доля лиц, использовавших наемный труд (с 3,8% до 8,7%)¹⁰.

Свои особенности имела Уральская область. За 1926/27 — 1928/29 гг. численность избирателей в уральской деревне увеличилась с 2,79 млн до 2,94 млн, а лишенных избирательных прав — с 67,6 тыс. (2,4% от всех избирателей) до 88,2 тыс. (3%), что не совпадало с данными по стране. Доля лишенцев, применявших наемный труд, уменьшилась с 13,6% до 10,2%, а в СССР, напротив, увеличилась. Среди крестьян, лишенных прав, частных торговцев и посредников стало меньше, но их удельный вес не совпадал с союз-

ными показателями: сокращение с 18,9% до 14,6%. Лишь доля иждивенцев, лишенных избирательных прав, была близка к данным СССР — увеличение с 34,9% до 44,1%. Произошел небольшой рост лиц, живших на нетрудовые доходы, а в стране намечалось их снижение¹¹. При всех отличиях тренды Уральской области в основном соответствовали тенденциям в целом по стране.

В погоне за количественными показателями отдельные властные структуры теряли чувство меры, и особо не разбирались с соблюдением установленных правовых норм. Это становилось основанием для пересмотра дел лишенцев и восстановления их в правах. В 1928 г. Уральская областная прокуратура обнаружила необоснованное лишение граждан избирательных прав. Лишенцами становились немые, старики, а также обвиненные в связях с границей, члены семей осужденных без поражения в правах¹².

Лишенец мог восстановиться в правах, однако при условии занятия производительным и общественно полезным трудом и поддержки мероприятий советской власти. Жалобы лишенцев о восстановлении в правах подавались в течение недели. Затем этим вопросом занималась избирательная комиссия. В 1927 г. в избирательную комиссию Уральской области поступило 2038 ходатайств лишенцев о восстановлении. Из них удовлетворили 58,8%. В следующем году масштабы репрессий увеличились, и в избирательную комиссию было подано уже 254,8 тыс. заявлений, из них в 1929 г. избирательная областная комиссия рассмотрела только 4,6 тыс. жалоб, из которых удовлетворила лишь треть¹³.

В 1930 г. в этой области лишили избирательных прав 124,2 тыс. человек, но после проверки их численность сократилась на 18,9 тыс. человек (на 15,2%). Проверки по жалобам крестьян-лишенцев свидетельствовали, что некоторых из них лишали прав без всяких на то оснований: нередко за то, что они были против вступления в колхозы. Среди лишенцев оказывались и бедняки, и середняки. Только в Егоршинском районе восстановили в правах почти каждого третьего лишенца¹⁴. Таким образом, крестьяне, лишенные прав, пополняли ряды раскулаченных и единоличников, поскольку даже при желании им был закрыт путь в колхозы.

КУЛАЧЕСТВО

Пропагандистская машина советского государства направлялась на демонстрацию вредительской деятельности кулачества как классового врага. Формировалось общественное мнение крестьянства и всего населения, направленное против кулаков. Большая часть бедняков поддержала призыв борьбы с ненавистным внутренним врагом. С несогласными крестьянами власть быстро расправлялась. Началась кампания борьбы с кулачеством как внеэкономическими методами, так и уголовными репрессиями. Это был пролог будущего раскулачивания начала 1930-х гг.

Постановление СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» (21 мая 1929 г.), подготовило основу для раскулачивания. К таким признакам относились следующие. Хозяйства, систематически применявшие наемный труд для сельхозработ или в кустарных промыслах и предприятиях, за исключением

⁷ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (далее — СЗ СССР). 1929. №67. Ст. 627.

⁸ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 266. Л. 125.

⁹ Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х годов). Учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 1998. С. 14.

¹⁰ Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х годов). С. 16-17.

¹¹ Рассчитано по: ЦДООСО, Ф. 4, Оп. 7, Д. 313, Л. 214 об.

¹² Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 2259. Оп. 1. Д. 51. Л. 37.

¹³ Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). Сб. документов. Екатеринбург, 1996. С. 8.

¹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 529. Л. 71-71 об., 74.

случаев применения наемного труда в тех пределах, в которых оно не влечет за собой лишения избирательных прав. К кулацким относились хозяйства, в которых имелись мельница, маслобойня, крупорушка, просорушка, волночесалка, шерстобитка, терочное заведение, картофельная, плодовая или овощная сушка или другое промышленное предприятие, при условии применения в этих предприятиях механического двигателя, а также, если в хозяйстве имелась водяная или ветряная мельница с двумя или более поставами. В категорию кулацких попадало хозяйство, систематически сдававшее в наем сложные сельхозмашины с механическими двигателями. Кулацким становилось хозяйство, сдававшее в наем постоянно или на сезон отдельные оборудованные помещения под жилье или предприятие. Если члены хозяйства занимались торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имели другие нетрудовые доходы (в том числе служители культа) они также причислялись к кулакам. Местные органы власти получили право изменять данные признаки¹⁵.

По выборочной переписи 1927 г., в Уральской области на 10% самых маломощных хозяйств приходилось по 30,1 руб. основных средств производства, а одно хозяйство из состава 10% самой мощной верхушки (кулаков) имело их по 1215 руб. на хозяйство, при этом средняя обеспеченность посевом составляла 0,76 дес. и 8,77 дес. на хозяйство соответственно¹⁶. В Уральской области в 1926/27 г. к кулацкой группе относились 3,2% обследованных хозяйств, но она обладала 16,1% средств производства [13, с. 44]. Кулакам принадлежало 20,4% всех рабочих лошадей, 17,6% коров. В этой области в арендном обороте находилось свыше 400 тыс. дес. пашни, из них три четверти арендовали кулаки [6, с. 64]. В 1926/27 г. в Уральской области на батраков приходилось 2,4% пашни и столько же посева, на бедняков — 12,8% и 9,7%, на середняков — 75,8% и 78,7%, на кулаков — 9% и 10,2% соответственно [25, с. 40]. По данным выборочного обследования крестьянских хозяйств Уральской области в 1928 г., группа хозяйств, имевшая посев свыше 17,6 га, при их численности 0,9% обладала полевым посевом размером, доля которого составляла 3% от всех категорий крестьянских хозяйств¹⁷.

В Башкирии в 1926 г. число хозяйств, имевших свыше 10 дес. посева, составляло 4,4%, а более 4 голов рабочего скота — 2,1%. В Оренбургской губернии в 1927 г. четыре и более головы рабочего скота имело 7,7% крестьянских хозяйств, а в Башкирии — 2%. По 1713 делам раскулаченных в Оренбуржье и Башкирии, хозяйства, имевшие пять и более голов рабочего скота, составляли большинство среди раскулаченных (36,9% всех дворов и 38,6% населения). Они обладали в среднем 21,3 дес. посева земли и 60,4% всей посевной площади [26, с. 60, 61, 611, 612].

Насколько зажиточными являлись кулацкие хозяйства можно судить по следующим фактам. В Прикамье кулаки имели семью, состоявшую из четырех-шести человек, 3–4 дес. посевов, 1–2 коровы, 1 лошадь, 1–5 овец, 5–10 кур. Доход на семью достигал 300 руб. в год [17, с. 37]. В акте приема имущества высланного кулака А. Федорова значились: дом с сенями (200 руб.), два стола (1 руб.), конюшня (30 руб.), ворота и заплот (5 руб.), две телеги (10 руб.), кровать (10 руб.), стул (2 руб. 50 коп.), три стола кухонного (1 руб. 50 коп.), фонарь «Летучая мышь» (2 руб.), лопата (25 коп.), ящик (25 коп.), баня (2 руб.), корыто железное

(1 руб.) и т.д. — всего на сумму 317 руб. 90 коп.¹⁸ На Урале типичное кулацкое хозяйство включало одну корову, одну лошадь, три овцы, дом, конюшню, баню, амбар, 2–3 дес. посева, тогда как в СССР на одно кулацкое хозяйство в среднем приходилось 1,7 коровы и 1,6 головы рабочего скота¹⁹.

Одно из раскулаченных хозяйств Бирского кантона Башкирии состояло из семи человек, в том числе двух трудоспособных. В хозяйстве было 6,5 дес. собственной пашни, 0,35 дес. арендованной земли, две лошади, две коровы, девять голов мелкого рогатого скота. Кроме того, в хозяйстве имелись две молотилки, сепаратор. Здесь также применялся наемный труд. Домашнее имущество этого хозяйства оценивалось в 354 руб., строения — в 1465 руб. Доход от хозяйства в 1929 г. составлял 626 руб. Крестьянин должен был заплатить 88 руб. налога. За несдачу хлеба кулак был оштрафован на 129 руб. [14, с. 34].

Налоговая политика советского государства, прежде всего, направлялась против состоятельных селян. В 1926/27 г. удельный вес в налогообложении отдельных групп выглядел следующим образом:

- середняки — 69,7%;
- предприниматели (кулаки) — 18,7%;
- бедняцкие хозяйства — 7,6%;
- пролетариат — 4%, то есть основную нагрузку по налогу несли середняцкие хозяйства.

Поскольку середняцких дворов было больше, то они и платили в сумме больше. Важнее выявить распределение налоговых тягот в расчете на одного человека. Налоговые платежи на одного самостоятельного крестьянина и на душу сельского населения распределялись так: пролетариат — 19,2 и 10,5 руб., бедняки — 18,5 и 4,4 руб., середняки — 60 и 10,6 руб., предприниматели — 256 и 39,2 руб. соответственно. В этом случае кулаки в связи с большими доходами платили в несколько раз больше, чем бедняки. В среднем с сельского жителя страны изымалось на налоги 9,6% дохода, в том числе с пролетария — 9,7%, с бедняка — 5,6%, с середняка — 9,3%, с предпринимателя — 16,3%. С учетом самообложения селянин в среднем платил налог в размере 10,4% от всего дохода, не считая других платежей²⁰.

Предельный размер дохода, облагаемого единым сельхозналогом, ниже которого хозяйство не считалось кулацким, составлял 300 руб. на едока, но не более 1,5 тыс. руб. на хозяйство. По данным налоговых сводок по единому сельскохозяйственному налогу, в Уральской области за 1927/28 г. число хозяйств, имевших доход свыше тысячи рублей, составляло 1135. В среднем на каждое хозяйство приходилось 8,8 едока. Поэтому средний доход исчислялся в 114 руб.²¹

В постановлении бюро Уральского обкома партии в апреле 1928 г. «О реформе сельскохозяйственного налога» указывалось: «1. Признать целесообразным повышение размера сельхозналога, определив к изъятию на 1928/29 г. по области ориентировочно до 24 млн. руб. 2. Увеличение налога должно быть произведено за счет более высокого обложения доходов у зажиточной верхушки деревни (повышение прогрессии подоходности), улучшения качества налогового учета и более полного привлечения к обложению доходов от сельского хозяйства и не-

¹⁵ СЗ СССР. 1929. №34. Ст. 301.

¹⁶ Хозяйство Урала. 1929. № 1. С. 23.

¹⁷ Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г. Краткий стат. справочник. Год 4-й. Свердловск: Уралоблстатотдел, 1929. С. 444-445, 450.

¹⁸ Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. 451. Оп. 2. Д. 11а. Л. 178.

¹⁹ Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале: 1930–1936 гг. Сб. документов. Екатеринбург, 1994. Вып. 1. С. 14.

²⁰ Тяжесть обложения в СССР (социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 годы). Доклад комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения Союза ССР. М., 1929. С. 43-44, 46, 54-55.

²¹ Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). С. 5.

земледельческих заработков»²². Постановление бюро Уралобкома, посвященное проведению сельхозналога в 1928/29 г., прямо требовало ужесточить требования к кулацким хозяйствам. Для этих хозяйств устанавливались укороченные сроки платежей сельхозналога. Индивидуальному обложению подлежали 2,3% хозяйств. Кроме того, предлагалось «установить предельную норму включения облагаемого дохода для вышеуказанных хозяйств в размере не свыше двойного размера облагаемого дохода, исчисляемого от сельского хозяйства с того же двора в общем порядке»²³. Если для обычных крестьян сроки уплаты налога устанавливались таким образом, чтобы первый взнос был внесен в размере 25% до 1 октября, второй (50%) — через полмесяца, а остальная часть — до 1 февраля, то с кулацких хозяйств требовали немедленного расчета в октябре²⁴.

ВЦИК и СНК РСФСР в июне 1929 г. приняли постановление «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов». Это постановление предусматривало для недомышников пятикратный штраф с применением в случае необходимости продажи имущества с торгов²⁵. Комиссии по содействию распределяли заготовительные задания, в основном, на кулацкие и середняцкие хозяйства, причем около 2/3 плана предназначалось кулакам. Невыполнение плана грозило штрафом в размере пятикратной стоимости определенного для них задания или описью и распродажей имущества. Они же определяли кандидатов на осуждение по ст. 107 УК РСФСР (скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления). Таким образом, кулак должен был досрочно выполнить индивидуальное задание, с него, опять же досрочно, взыскивали ссуды в банке, его лишали госстрахования, технической и агрономической помощи, права пользоваться лесами, принуждали практически даром отдавать собственную сельскохозяйственную технику.

В 1928/29 г. по хозяйствам Уральской области, обложенным в индивидуальном порядке, было начислено 2,2 млн руб. налога (20,9% к облагаемому доходу этих хозяйств). Больше всего налога было начислено в Челябинском округе — 379,8 тыс. руб., в то же время наименьшая часть из всего исчисления падала на Коми-Пермяцкий округ — 6,3 тыс. руб.²⁶ Это объяснялось тем, что на юге Уральской области находилось больше зажиточных селян. В 1929/30 г. в среднем по стране на хозяйство колхозника приходилось 10,7 руб. налога, тогда как на трудовое единоличное хозяйство — 18,1 руб., на кулацкое хозяйство — 172,5 руб. [16, с. 202].

Нажим на кулаков не прошел даром. В Уральской области удельный вес зажиточных крестьян сократился в производстве товарного хлеба с 30% в 1927/28 г. до 14% в следующем году. За 1927–1929 гг. в Уральской области доля крестьянских хозяйств, имевших 8,9 и более га посева, сократилась с 14,7% в 1927 г. до 7,1% — в 1929 г. Удельный вес крестьянских хозяйств, имевших трех и более лошадей, уменьшился с 10,2% в 1927 г. до 9% в 1929 г., а трех и более коров — с 11,9% до 8,4% соответственно [25, с. 178–179, 213, 403, 405]²⁷.

Выборочные обследования 1929 г. показывали, что в Уральской области с 1927 г. по 1929 г. удельный вес так называемых мелкокапиталистических хозяйств уменьшился среди селян, занимавшихся земледельческим трудом, с 3,2% до 1%, а среди сельских жителей с неземледельческими занятиями — с 1,1% до 0,5%. В 1929 г. 78,3% мелкокапиталистических хозяйств остались без изменений, но в то же время 4,5% из них вступили в колхоз, 12,7% — разделились, 1,5% — было выселено и ликвидировано. Посевные площади у кулаков в 1929 г. сократились в стране более чем на 70% по сравнению с 1927 г. Валовая продукция уменьшилась почти на 75%. Удельный вес кулацкого производства в производстве всей продукции сельского хозяйства снизился за это время с 9,5% до 5,5%, а товарной продукции — с 13,4% до 7,5%²⁸.

ВНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

Вытеснение единоличного сектора из экономической сферы села можно проследить по следующим данным. При возрастании капитальных вложений в сельское хозяйство за 1928–1930 гг. по стране в 1,3 раза (с 2375,8 млн руб. до 3025,1 млн руб.) резко увеличились ассигнования в обобществленный сектор — в 6,7 раза (с 355,2 млн руб. до 2394,2 млн руб.), тогда как в частный сектор вкладывалось средств в 2 раза меньше (с 2053 млн руб. до 1041,8 млн руб.)²⁹. Распределение финансируемых капитальных вложений за 1928–1930 гг. показывает, что вложения в государственный сектор аграрной экономики возросли с 23,8% до 53,2%, а в колхозный сектор — с 12,2% до 30,5%. Все это происходило при одновременном снижении субсидирования единоличных хозяйств с 40,9% до 4,6%³⁰. Вложения в сельское хозяйство Уральской области достигли в 1928 г. 23,8 млн руб., в следующем году — 41,7 млн руб. и в 1930 г. — 140,1 млн руб.³¹ Капиталовложения в сельское хозяйство Башкирии составили в 1929/30 г. 18 млн руб., тогда как в предыдущем году — 9,6 млн. руб. В основном ассигнования предназначались колхозно-совхозному сектору³². Если в 1927/28 г. основная часть (42,5%) вложений в аграрную сферу Оренбуржья приходилась на государственный сектор, 39% — на индивидуальный и 18,5% — на колхозно-кооперативный секторы, то в 1928/29 г. госсектору увеличили долю до 77,6%, сократив индивидуальный сектор до 12,4% и колхозно-кооперативный — до 7,8%, а в 1929/30 г. государственному сектору выделили 57,8%, колхозно-кооперативному 26,2% и индивидуальному — 16%³³.

Показатели кредитования сельских жителей также свидетельствовали об определенных предпочтениях. В 1926/27 г. в Уральской области из 968,5 тыс. руб. сельхозкредита батраки получили 0,4%, бедняки — 56,1%, середняки — 39,6%, зажиточные — 3,9%, а в 1927/28 г. из 1080,4 тыс. руб. — 1,4%; 53,6%, 42,3% и 2,7% соответственно³⁴.

²⁸ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Стат. сведения по сельскому хозяйству за 1927–1930 гг. М.; Л., Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. С. 13, 15, 66–68.

²⁹ Народное хозяйство СССР. Стат. справочник 1932 г. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1932. С. XXX.

³⁰ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР. Стат. справочник 1932 г. С. 606.; Сдвиги в сельском хозяйстве СССР. С. 194–195.

³¹ Отчет о деятельности Уралоблисполкома VII созыва (1929–февраль 1931 г.) к VIII съезду Советов. Свердловск: Уралоблисполком, 1931. С. 61.

³² Башкирская АССР за 15 лет. Уфа, 1934. С. 45.

³³ Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф. 187. Оп. 1. Д. 140. Л. 21.

³⁴ Уральская новая деревня. 1929. №15. С. 31.

²² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 29. Л. 123.

²³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 36. Л. 1.

²⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 32. Л. 73.

²⁵ СУ РСФСР. 1929. № 60. Ст. 589.

²⁶ Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 5. Свердловск, 1930. С. 179, 181.

²⁷ Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 4. Сельское хозяйство Урала. Свердловск: Статсектор Уралплана, 1930. Свердловск, 1930. С. 244.

Особенно сложно приходилось индивидуальным хозяйствам в период заготовок. Теперь частная торговля объявлялась спекуляцией и преследовалась по закону. В период хлебозаготовительного кризиса в Уральской области за полугодие 1927/28 г. (октябрь–март) из 909,8 тыс. хозяйств, плативших налоги, провели описи в 118,6 тыс. и организовали 7,8 тыс. торгов, предали суду 12,3 тыс. человек и осудили 6,1 тыс. крестьян³⁵. По итогам хлебозаготовок за апрель–июнь 1928 г. в Уральской области попали под суд 755 человек, из них 38,9% лишили свободы. У 106 осужденных был конфискован 108,3 тыс. пудов хлеба, описано имущества на 19,9 тыс. руб. и взят штраф 31,3 тыс. руб.³⁶ Как говорилось на майском пленуме Башкирского обкома партии, в 1927/28 г. по 107 статье привлекли к ответственности 417 человек и конфисковали 142 тыс. п. хлеба, в среднем на каждого 341 п. Всего было возбуждено 217 уголовных дел. За нарушение конвенционных норм привлекли к ответственности 111 человек, из которых половину отстранили от должности³⁷.

К хлебосдатчикам, не выполнившим задания, применялась ст. 61 УК РСФСР (отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение), но с учетом мощности хозяйства. Невыполнение самообязательств также предусматривало наказание по этой статье. Штрафные суммы исчислялись из расчета заготовительной стоимости несданного продукта, кроме кулацких хозяйств. Наложённые штрафы должны были реализоваться немедленно. Описанное имущество передавалось колхозам по определенной оценке³⁸.

В период хлебозаготовок 1929/30 г. в Уральской области было осуждено 1795 человек, а за 1930/31 г. — 2368 [14, с. 52]. По результатам хлебозаготовок в 1932 г. во время года в Уральской области были проведены массовые репрессии. К суду и административной ответственности привлекли 6,6 тыс. кулацких хозяйств, оштрафовали 5 тыс. хозяйств на 897 тыс. руб., осудили 2,7 тыс. человек, в том числе выслали 0,6 тыс. В отношении контрактантов применили беспспорное взыскание в 14,6 тыс. хозяйств (4,5% от всех), привлекли к уголовной ответственности — 1,3 тыс. хозяйств (0,4 % от всех)³⁹.

Начавшаяся массовая коллективизация наложила свой отпечаток на индивидуальное землепользование и землеустройство. Постановление коллегии НКЗ РСФСР «О землеустроительных работах на 1929–1930 год» и вышедший затем циркуляр НКЗ РСФСР предусматривали прекращение индивидуального землеустройства⁴⁰.

Единоличные хозяйства землю получали вдали от населенных пунктов и худшие по качественным характеристикам. Теперь не всегда крестьяне могли получить луга и выгоны, без которых содержание скота становилось проблематичным. Согласно инструкции по проведению землеуказаний, бедняцкие и середняцкие хозяйства, не входившие в колхозы, наделялись землей рядом с колхозными полями. Такой метод наделения землей подталкивал сомневающихся к вступлению в колхоз и экономил средства при проведении землеустроительных работ для колхозов. Однако, как и раньше, при отводе земельных участков единоличникам доставались земли, совершенно непригодные для проведения сельскохо-

зяйственных работ⁴¹. Только после указаний сверху Уралоблисполком обратился к окрзу, окрколхозсоюзам и райисполкомом с требованиями приостановить произвол при отводе земель колхозникам и единоличникам⁴².

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ХОЗЯЙСТВА В НАЧАЛЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

После первых двух волн массовой коллективизации 1930–1931 гг. коренным образом изменилось положение индивидуальных крестьянских хозяйств. По данным Наркомата финансов СССР 1931 г. можно судить о социальном составе единоличных дворов. В Уральской области (неполные сведения по 145 районам из 161) 81,8 тыс. бедняцких хозяйств, освобожденных от обложения, составляли 17,1% от 478,4 тыс. хозяйств, тогда как в Башкирии — 54,7 тыс. хозяйств (19,1% от 286,9 тыс.). Основная часть индивидуальных хозяйств приходилась на середняцкие дворы, облагаемые в общем порядке, в Уральской области их насчитывалось 335,7 тыс. (70,2%), а в Башкирии — 200,9 тыс. (70%). Хозяйства, облагаемые от доходов от продажи сельхозпродукции на рынке, были не столь многочисленны и составляли в Уральской области 53,7 тыс. (11,2%), а в Башкирии и того меньше — 22 тыс. (7,6%). В Уральской области кулацких хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке, осталось всего 7,2 тыс. (1,5%), тогда как в Башкирии — 9,3 тыс. (3,3%). Приведенные статистические данные свидетельствовали, что удельный вес бедняцких и середняцких уральских и башкирских индивидуальных хозяйств был примерно равным. Существенные различия наблюдались в хозяйствах, облагаемых от доходов от продажи на рынке. Башкирские крестьяне меньше занимались продажами. Примечательно, что раскулачивание ошутимее прошло в Уральской области, нежели в Башкирии.

На бедняцкие единоличные хозяйства приходилось в Уральской области 6% всего посева индивидуальных дворов, а в Башкирии — 8,5%, облагаемого крупного рогатого скота (КРС) — 12,4% и 13,4%, всего облагаемого дохода от сельского хозяйства — 5,6% и 7,9%, всего неземледельческого заработка — 11,4% и 14,5%, облагаемого дохода от всех источников — 6,6% и 7,9%, исчисленной суммы сельхозналога — 2,2% и 1,2% соответственно. Необходимо иметь в виду, что значительная часть бедняков в начале коллективизации вступила в колхозы. Незначительные различия в доли бедняцких хозяйств в этих территориальных единицах привели к небольшим отклонениям по основным показателям. Лишь по исчисленной сумме налога заметны отличия башкирских дворов, свидетельствовавшие о меньшей доли в уплате налога бедняками.

Хозяйства, облагаемые в общем порядке располагали в Уральской области 77,2% всего учтенного посева, а в Башкирии — 77,1%, облагаемого КРС — 74% и 74,4%, всего облагаемого дохода от сельского хозяйства — 63,6% и 72,4%, всего неземледельческого заработка — 75,6% и 71,4%, облагаемого дохода от всех источников — 72,8% и 71,3%, исчисленной суммы сельхозналога — 53,9% и 43,1% соответственно. В середняцких хозяйствах этих территорий следует обратить внимание на существенную разницу удельного веса по облагаемому доходу от сельского хозяйства и исчисленной суммы сельхозналога.

Доля индивидуальных хозяйств, облагаемых от доходов от продажи сельхозпродукции на рынке, составляла в Ураль-

³⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 67. Л. 23.

³⁶ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1442. Л. 105.

³⁷ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп. 7. Д. 1. Л. 92.

³⁸ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 539–543.

³⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 268. Л. 76–77.

⁴⁰ Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уральского облисполкома. 1930. №3. С. 47, 48; №8. С. 137.

⁴¹ ЦДООСО, Ф. 4. Оп. 8. Д. 405. Л. 19 об.

⁴² Официальный сборник. 1930. №21–22. С. 325.

ской области по посеву 16,5%, а в Башкирии — 10,4%, по облагаемому крупному рогатому скоту — 11,9% и 9,3%, всего облагаемого дохода от сельского хозяйства — 19,3% и 15,2%, всего неземледельческого заработка — 11,1% и 8,8%, облагаемого дохода от всех источников — 19,2% и 14,1%, исчисленной суммой сельхозналога — 23,5% и 15,9% соответственно. Имелись значительные различия в доли посевов тех хозяйств, что занимались торговлей. Причем сумма налога вновь оказалась выше в Уральской области.

Оставшиеся кулацкие хозяйства несли наибольшие налоговые тяготы. В Уральской области их удельный вес в посевах равнялся 0,3%, а в Башкирии — 4%. облагаемого КРС — 1,7% и 2,9%, всего облагаемого дохода от сельского хозяйства — 11,4% и 4,5%, всего неземледельческого заработка — 1,9% и 5,3%, облагаемого дохода от всех источников — 1,4% и 6,7%, исчисленной суммой сельхозналога — 20,4% и 39,8% соответственно⁴³. Удельный вес башкирских кулацких дворов преобладал по большинству позиций, кроме облагаемого дохода от сельского хозяйства. Безусловно, большее количество кулацких хозяйств среди единоличных дворов в Башкирии сказалось на значительной доле в объеме выплаченного налога.

Единоличникам приходилось часто довольствоваться случайными заработками. В начале 1930-х гг. только 2/3 уральских колхозов почти полностью использовали рабочую силу (на 75–100%), в Башкирии таких колхозов было несколько больше, что превышало показатели соседних регионов⁴⁴. При неполном использовании своей рабочей силы в колхозах шли на наем единоличников, причем расплачивались часто за это хлебом, уменьшая тем самым потребление собственных колхозников. Такое положение на Урале наблюдалось в течение всех 1930-х гг.⁴⁵

Если в 1927 г., по нашим подсчетам, посевные площади крестьянских хозяйств превышали в Уральском регионе 99%, то с началом массовой коллективизации в 1930 г. посеы уменьшились в Уральской области до 64%, Башкирии — до 74,3%, Удмуртии — до 86,3%, а в 1933 г. — 6,5%, 15,5%, 22,6% соответственно. Статистика свидетельствовала о наиболее ощутимых потерях индивидуальных хозяйств, прежде всего, в Уральской области, особенно при сравнении с Удмуртией. Обеспеченность посевными площадями в расчете на одно единоличное хозяйство составляла в 1927 г. в Уральской области 4,59 га, Башкирии — 5,17 га, Удмуртии — 4,93 га. В 1933 г. индивидуальное хозяйство Уральской области имело в среднем 1,3 га посевов, Башкирии в 1934 г. — 3,24 га. Спад усиливался в последующие годы, практически ликвидировавший посеы единоличников.

Одновременно с ростом доли социалистического сектора в валовом сборе зерновых резко сокращался удельный вес индивидуальных хозяйств. В течение 1928–1932 гг. их доля снизилась с 98,2% до 15,1%. За это время производство зернобобовых культур в данных хозяйствах в Уральском регионе уменьшилось в 8,6 раза. В Уральской области снижение произошло с 48323,1 тыс. ц до 3578, тыс. ц (в 13,5 раза), а в Башкирии — с 20884,3 тыс. ц до 4469,6 тыс. ц (в 4,7 раза) [34, с. 123, 126, 129, 221, 222, 247, 249].

В 1928 г. на бедняцко-средняцкое хозяйство в стране в среднем приходилось 4,2 га посевов [5, с. 55-56]. По данным выборочного обследования крестьянских хозяйств

Уральской области в 1928 г. большая часть полевого посева (23,6%) принадлежала группе с посевом 4,5-6,7 га.⁴⁶

Отрицательная динамика прослеживалась и в другой важнейшей отрасли сельской экономики — животноводстве. Все виды скота в индивидуальных хозяйствах в 1927 г. превышали 99% от всего стада. Однако доля индивидуальных дворов, обладателей лошадей, пошла на убыль. В 1930 г. в Уральской области она составляла 75%, Башкирии — 80,9%, Удмуртии — 85,9%. 1933 г. дал еще более низкие показатели: 18,4%, 22,4%, 12,3% соответственно. Особенно пострадали удмуртские крестьяне. Подобная тенденция наблюдалась и по наличию крупного рогатого скота у единоличников в 1930 г.: Уральская область — 84,7%, Башкирия — 95%, Удмуртия — 85,9%, а в 1933 г. — 51,1%, 76,9% и 3,7% соответственно. По свиному поголовью складывалась следующая ситуация. В 1930 г. удельный вес уральских индивидуальных хозяйств сократился до 83,5%, башкирских — до 96%, удмуртских хозяйств — до 85,8%, тогда как в 1933 г. снижение достигло больших размеров: 34,5%, 47,1%, 9,2% соответственно. Если по овцам и козам в 1930 г. были относительно высокие показатели: Уральская область — 89,2%, Башкирия — 95,6%, Удмуртия — 86%, то в 1933 г. кризис стал ощутимее: 49,5%, 73,5% и 47,3% соответственно [33, с. 134, 137, 140, 171, 174, 177, 211, 214, 218, 232, 235, 238, 261].

В Уральской области без скота находилось от 5,6% (1929 г.) до 18,7% (1932 г.) единоличных хозяйств. В 1927 г. в Башкирии и Удмуртии скот не держали одинаковое количество хозяйств — 2,7%. Без рабочего скота в Уральской области в 1927–1929 гг. было каждое пятое хозяйство единоличника. То же происходило в 1927 г. в Башкирии, но в 1929 г. таких хозяйств стало меньше. Одну голову рабочего скота держали в 1925–1929 гг. почти половина хозяйств единоличников Уральской области и каждое третье хозяйство в 1926 г. в Оренбуржье. В течение 1927–1928 гг. 2/3 удмуртских хозяйств обладали одной головой рабочего скота. В Уральской области в 1926–1929 гг. каждое десятое единоличное хозяйство являлось бескоровным, а в 1932 г. таковых стало 28,9%. В Башкирии коров не имело от 15,1% (1927 г.) до 25% (1932 г.) хозяйств [32, с. 295].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, после завершения новой экономической политики, кризиса хлебозаготовок 1927/28 г. начался усиленный нажим на индивидуальные крестьянские хозяйства. Заготовки сельскохозяйственной продукции проводились репрессивными методами. Усилия партийно-государственных структур направлялись в первую очередь против состоятельного крестьянства. Лишение этой категории крестьянства гражданских прав предопределило участь наиболее трудолюбивой части доколхозной деревни.

При проведении коллективизации экономическими, а чаще внеэкономическими методами крестьян побуждали ликвидировать свои хозяйства и вступать в колхозы. Для других крестьян предусматривались рабочие места в совхозах, МТС или перемещение в город, где новостройки остро нуждались в рабочих руках. Состоятельные единоличники пострадали больше. Им была уготована ссылка при раскулачивании. Крестьянам пришлось адаптироваться к новым реалиям, чтобы спасти себя и свои семьи от репрессий.

Принудительная, ускоренная коллективизация расколола сельский социум. Беднейшие и отдельные средние хозяйства в основном поддерживали мероприятия советской власти. От-

⁴³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 9. Д. 132. Л. 15, 15 об., 28, 28 об.

⁴⁴ Колхозы в 1930 г. Итоги рапортов колхозов XVI съезду ВКП(б). М.; Л.: Соцэкиз, 1931. С. 128.

⁴⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 43. Л. 71 об.

⁴⁶ Уральское хозяйство в цифрах 1929. С. 444-445, 450.

носителем зажиточные и зажиточные (кулацкие) хозяйства активно и латентно сопротивлялись нововведениям. Массовое раскулачивание обеспечило север страны и стройки пятилетки рабочей силой. Так радикальным способом решалась проблема раскрестьянивания и агроперенаселения страны.

Коренным образом изменились институционально на новой социалистической основе не только сельскохозяйственное производство, но и быт, культура, менталитет крестьянства. В деревне началась широкомасштабная акция по замене прежних сельских институтов. Политика массовой коллективизации не предусматривала существования крестьянских дворов вне колхозов и совхозов. Потому все силы партийно-советских структур были брошены на переход к контролируемым государством сельским организациям — коллективным хозяйствам и государственным советским хозяйствам. Общинные структуры, земельные общины ликвидировались и превращались, по сути, в государственные формирования — колхозы. Сельские сходы заменялись колхозными собраниями. Создавалась видимость колхозной демократии, когда собрания колхозников превращались в обязательное одобрение государственных планов. Единоличные хозяйства уже не могли влиять на принятие решений.

Нельзя отрицать положительные моменты добровольного коллективного труда при хорошей, эффективной организации: материально-техническое оснащение, машиноснабжение, механизацию и автоматизацию, научную организацию труда, применение научных достижений в селекции, повышении продуктивности скота, использование удобрений и т.п. Однако командование селянами, лишение возможности распоряжаться произведенным продуктом перечеркивало традиционные российские крестьянские ценности. Труд из-под палки, отсутствие зачастую стимулирования, низкая оценка труда не вызывало большого энтузиазма у большинства сельских производителей, особенно на начальном этапе колхозно-совхозного строительства. Но иной выбор для единоличников отсутствовал. Искусственно проведенные

социалистические преобразования на селе частично достигли своей цели: сломали исконные устои деревенской жизни. Насильственный ускоренный переход к колхозно-совхозному производству превратил сельских жителей в государственных работников. Оставшиеся единоличные хозяйства владели жалкое существование.

Имелись ли перспективы развития индивидуальных хозяйств как в годы НЭПа, хотя и тогда их товарность была невысокой? Возможно, да. Требовалось создавать крупные товарные крестьянские хозяйства, разветвленную сеть кооперации, обеспечить нормальные условия найма рабочей силы, машиноснабжение. Главное же, необходима была всесторонняя финансово-кредитная поддержка государства.

Но руководство страны поставило амбициозную задачу в кратчайшие сроки выйти в разряд высокоразвитых индустриальных держав. В этом случае примитивное сельское хозяйство с мелкобуржуазными взглядами зажиточно-средняцкой части крестьянства не вписывалось в стратегию аграрной политики, сдерживало реализацию этих модернизационных устремлений. Поэтому часть настоящих и мифических противников советской власти изолировали в ходе коллективизации, а другие индивидуальные хозяйства вынуждали прекратить деятельность вне новых сельских институтов.

По мнению руководства, реальная внешняя угроза предполагала бороться с внутренними классовыми врагами, в числе которых оказались единоличные хозяйства, не желавшие следовать политическому курсу превращения сельского хозяйства в неотъемлемую часть социалистической экономики. Село должно было безоговорочно и без помех выполнять установленные народнохозяйственные планы. Необходимо было уничтожить частный интерес единоличных крестьян в кратчайшие сроки, а это было несовместимо с взглядами тех селян, которые больше думали о личном благосостоянии, нежели о перспективах первоочередного развития индустрии. Уральский регион стал одной из территорий, где наиболее жестко и бескомпромиссно проводилась борьба с единоличными хозяйствами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 1998. 18 с.
2. Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. 806 с.
3. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930–1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. 2005. №7. С. 23–44.
4. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: ЛЕНАНД, 2014. 608 с.
5. Венжер В.Г. Вопросы использования закона стоимости в колхозном производстве. М.: Госпланиздат, 1960. 319 с.
6. Власова Л.П., Ефременков Н.В. Социально-экономические изменения в уральской деревне в результате коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб. 3. Свердловск, 1972. С. 63–79.
7. Галас М.Л. Разгром аграрно-экономической оппозиции в начале 1930-х гг.: дело ЦК Трудовой крестьянской партии (по материалам следствия) // Отечественная история. 2002. №5. С. 89–112.
8. Гончарова И.В. Крестьянство Центрально-Черноземной области в условиях подготовки и проведения коллективизации в 1928–1932 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2015. 522 с.
9. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2001. 95 с.
10. Давлетшин Р.А. «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана. Уфа: Китап, 1993. 156 с.
11. Данилов В.П. Коллективизация: как это было // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М.: Высш. шк., 1988. С. 315–346.
12. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 318 с.
13. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 359 с.

REFERENCES:

1. Alekseeva L.V. Agricultural production of the Ural region during the first five-year plan (1928-1932): abstract. diss. ... candidate of Historical Sciences. Kurgan, 1998. 18 p.
2. Akhizer A.S. Russia: criticism of historical experience (Socio-cultural dynamics of Russia). From the past to the future. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1997. 806 p.
3. Beznin M.A., Dimoni T.M. The agrarian system of Russia in the 1930s – 1980s (a new approach) // Questions of History. 2005. No.7. pp. 23–44.
4. Beznin M.A., Dimoni T.M. The agrarian system of Russia of the 1930s-1980s. Moscow: LENAND, 2014. 608 p.
5. Venzher V.G. Questions of the use of the law of value in collective farm production. Moscow: Gosplanizdat, 1960. 319 p.
6. Vlasova L.P., Efremenkov N.V. Socio-economic changes in the Ural village as a result of the collectivization of agriculture in the Urals. 3. Sverdlovsk, 1972. pp. 63–79.
7. Galas M.L. The defeat of the agrarian and economic opposition in the early 1930s: the case of the Central Committee of the Labor Peasant Party (based on the investigation materials) // National History. 2002. No. 5. pp. 89–112.
8. Goncharova I.V. The peasantry of the Central Chernozem region in the conditions of preparation and collectivization in 1928-1932: diss. ... doctor of Historical Sciences. M., 2015. 522 p.
9. Graziosi A. The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants. 1917–1933. Moscow: ROSSPEN, 2001. 95 p.
10. Davletshin R.A. «The Great Turning point» and the tragedy of the Bashkortostan peasantry. Ufa: Kitap, 1993. 156 p.
11. Danilov V.P. Collectivization: how it was // Pages of the history of the CPSU: Evidence. Problems. Lessons. M.: Higher School, 1988. pp. 315–346.
12. Danilov V.P. Soviet pre-kolkhoz village: population, land use, economy. M.: Nauka, 1977. 318 p.
13. Danilov V.P. Soviet pre-kolkhoz village: social structure, social relations. Moscow: Nauka, 1979. 359 p.

14. Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург: Ин-т истории и археологии Урал. отд-ния АН СССР, 1991. 195 с.
15. Доброноженко Г.Ф. Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // Российская история. 2009. № 5. С. 86–94.
16. Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М.: Наука, 1978. 493 с.
17. Еременко В.Г. Ликвидация кулачества как класса в Прикамье: геноцид против собственного крестьянства // Век уходящий: история Прикамья по архивным документам. Тезисы научно-практической конференции. Пермь, 2000. С. 36–39.
18. Ефременков Н.В. Социально-экономические отношения в уральской деревне накануне коллективизации // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 4. С. 123–158.
19. Земсков В.Н. О некоторых проблемах «большого террора» 1937–1938 годов // Отечественная история. 2000. №1. С. 200–205.
20. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.: Интерпракс, 1994. 267 с.
21. Ильиных В.А. Единоличники Западной Сибири в 1930-е гг.: социальные изменения, стратификация // Отечественная история. 2006. №6. С. 95–105.
22. Корнилов Г.Е. Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век и сельская Россия / Под ред. Х. Окуда. Токио, 2005. С. 286–313.
23. Красильников С.А. Серп и Молоч. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. 285 с.
24. Кузнецов И.А. Приключения государственного капитализма в сельском хозяйстве СССР (по поводу одной исторической концепции) Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: ЛЕ-НАНД, 2014. 608 с. // Крестьяноведение. 2016. №1. С. 171–179.
25. Куликов В.М. Подготовка и проведение развернутого наступления на капиталистические элементы на Урале. 1925–1932. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987. 277 с.
26. Лабузов В.А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия советской власти (1917–1932 гг.). Оренбург: Оренбургское литературное агентство «ОРЛИТ-А», 2004. 676 с.
27. Лабузов В.А. Деревня Южного Урала в период социальных потрясений и экономических реформ (1917–1930 гг.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2005. 60 с.
28. Мазур Л.Н. Лишение избирательных прав крестьян в 20-е – первой половине 30-х годов (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы): сборник статей участников научной конференции. Нижний Тагил: НТГПИ, 1997. С. 105–119.
29. Никитина Г.А. Удмуртская община в советский период (1917 – начало 30-х гг.). Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. Урал. отд-ния РАН, 1998. 221 с.
30. Окуда Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М.: РОССПЭН, 2011. С. 495–527.
31. Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: Изд-во Ипполитова, 2014. 765 с.
32. Филатов В.В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х – начале 1940-х гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. 537 с.
33. Филатов В.В. Уральское село, 1927–1941 гг.: динамика и темпы развития животноводства: Монография. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. 264 с.
34. Филатов В.В. Уральское село, 1927–1941 гг.: динамика и темпы развития земледелия: Монография. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. 260 с.
35. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.
36. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. 710 с.
14. Denisevich M.N. Individual farms in the Urals (1930–1985). Yekaterinburg: Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 1991. 195 p.
15. Dobronozhenko G.F. Methodology of analysis of the social group «kulaks» in Russian historiography // Russian history. 2009. No. 5. pp. 86–94.
16. Dyachenko V.P. History of finance of the USSR (1917–1950). Moscow: Nauka, 1978. 493 p.
17. Eremenko V.G. Liquidation of the Kulaks as a class in the Kama region: genocide against their own peasantry // The passing century: the history of the Kama region according to archival documents. Abstracts of the scientific and practical conference. Perm, 2000. pp. 36-39.
18. Efremenkov N.V. Socio-economic relations in the Ural village on the eve of collectivization // Questions of the history of the Urals. Sverdlovsk, 1963. Issue 4. pp. 123–158.
19. Zemskov V.N. On some problems of the «Great Terror» of 1937–1938 // National History. 2000. No. 1. pp. 200–205.
20. Ivnickiy N.A. Collectivization and dekulakization (early 30s). Moscow: Interprax, 1994. 267 p.
21. Ilyinykh V.A. Sole Proprietors of Western Siberia in the 1930s: social changes, stratification // Domestic history. 2006. No.6. pp. 95–105.
22. Kornilov G.E. Transformation of the agrarian sphere of the Urals in the first half of the XX century // XX century and rural Russia / Edited by X. Okuda. Tokyo, 2005. pp. 286–313.
23. Krasilnikov S.A. Sickle and Moloch. Peasant exile in Western Siberia in the 1930s. Moscow: ROSSPEN, 2003. 285 p.
24. Kuznetsov I.A. Adventures of state capitalism in agriculture of the USSR (about one historical concept) Beznin M.A., Dimoni T.M. The agrarian system of Russia of the 1930s–1980s. Moscow: LENAND, 2014. 608 p. // Krestyanovedenie. 2016. No. 1. pp. 171–179.
25. Kulikov V.M. Preparation and conduct of an extensive offensive against capitalist elements in the Urals. 1925–1932. Sverdlovsk: Publishing House of the Ural University, 1987. 277 p.
26. Labuzov V.A. Agrarian relations in the Southern Urals in the first decades of Soviet power (1917–1932). Orenburg: Orenburg Literary Agency «ORLIT-A», 2004. 676 p.
27. Labuzov V.A. Village of the Southern Urals in the period of social upheavals and economic reforms (1917–1930): abstract. diss. ... doctor of historical sciences. Yekaterinburg, 2005. 60 p.
28. Mazur L.N. Disenfranchisement of peasants in the 20s – the first half of the 30s (based on personal files) // History of reforms in the Urals: ideology, politics, practice (1917–1980s): collection of articles by participants of the scientific conference. Nizhny Tagil: NTGPI, 1997. pp. 105–119.
29. Nikitina G.A. Udmurt community in the Soviet period (1917 – early 30s). Izhevsk: Udm. institute of History, yaz. and lit. Ural. Department of the Russian Academy of Sciences, 1998. 221 p.
30. Okuda X. «From the plough to the portfolio»: village Communists and Komsomol members in the process of decoupling (1920s – early 1930s) // History of Stalinism: results and problems of study. Moscow: ROSSPEN, 2011. pp. 495–527.
31. Stalinism and the peasantry: a collection of scientific articles and materials of round tables and meetings of the theoretical seminar «The Peasant question in national and world history» / edited by P.P. Marchenya, S.Y. Razin. M.: Ippolitov Publishing House, 2014. 765 p.
32. Filatov V.V. Agricultural production in the Urals in the late 1920s – early 1940s: diss. ... doctor of historical sciences. Yekaterinburg, 2007. 537 p.
33. Filatov V.V. Uralskoye selo, 1927–1941: dynamics and rates of animal husbandry development: Monograph. Magnitogorsk: GOU VPO «MSTU», 2006. 264 p.
34. Filatov V.V. Uralskoye selo, 1927–1941: dynamics and rates of development of agriculture: Monograph. Magnitogorsk: GOU VPO «MSTU», 2006. 260 p.
35. Fitzpatrick Sh. Stalin's peasants. The social history of Soviet Russia in the 30s: village. M.: ROSSPEN, 2001. 422 p.
36. Engelhardt A.N. From the village. 12 letters. 1872–1887. St. Petersburg: Nauka, 1999. 710 p.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 93,44%.

Рецензент: Мотревич В.П., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева

Статья поступила в редакцию 05.04.2022, принята к публикации 25.04.2022

The article was received on 05.04.2022, accepted for publication 25.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Филатов Владимир Викторович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института исторической антропологии и филологии, ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», г. Магнитогорск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-3076-2324>, e-mail: v.philatov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Filatov, Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Leading Researcher at the Research Institute of Historical Anthropology and Philology, Nosov Magnitogorsk state technical University, Magnitogorsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-3076-2324>, e-mail: v.philatov@mail.ru